

ТУРКЕСТАН В ДИСКУРСЕ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

КОТЮКОВА

Татьяна Викторовна

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

Аннотация. В конце XIX – начале XX в. Россия приступила к реализации своего последнего модернизационного проекта по интеграции национальных окраин в общеимперскую систему координат. Этот проект касался Туркестанского края. Волею исторических судеб ему не суждено было завершиться в рамках Российской империи. Он будет продолжен в следующую эпоху – советскую, выйдя на новый виток развития, обретая новые формы и очертания.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, дискурс, модернизация, переселенческая политика, система образования.

К характеристикам фронтальной модернизации в России в конце XIX – начале XX в. можно отнести особую роль военно-административного элемента и социальную, экономическую, культурную, этноконфессиональную неоднородность. Эти признаки в полной мере присутствовали и проявились в Русском Туркестане, который стал последним модернизационным проектом России по интеграции национальных окраин в общеимперскую систему координат.

Со второй половины XIX в. в Российской империи стал доминировать принцип государственного единства России, который связывался с идеей национально-государства. Это предполагало приобщение «иностранцев» к русской государственности и русской цивилизации, а в перспективе – их слияние с русскими.

В это же время складывается доктрина ограниченной веротерпимости, допускающей вероисповедание ислама, но препятствовавшей его распространению и укреплению. Эта идеология начала воплощаться в формирующейся в те годы концепции охранительной политики православного консерватизма.

За полвека русского присутствия в Туркестане (со второй половины

XIX в. до начала Первой мировой войны) здесь произошли значительные административно-территориальные, политические, этнодемографические, экономические и культурные изменения. При этом доминирующая роль ислама осталась неизменной, т. е. доминирующей.

Еще до завоевания Россией в регионе существовали культурно-бытовые, этнические и религиозные противоречия. Но они возникали и существовали в рамках общей для всех исламской цивилизации. В рамках модернизационного проекта Российской империи в Туркестане прекратились междоусобицы, а регион и его экономика были вовлечены в общероссийскую систему хозяйства. Важнейшее значение для модернизационного проекта имело строительство железных дорог, которое способствовало развитию промышленности, специализировавшейся на первичной обработке сырья.

Система управления в Туркестане формировалась постепенно. Ее основы базировались на слиянии военной и гражданской власти. По аналогии с Закавказьем она стала именоваться «военно-народным управлением», в рамках которого военная администрация сочеталась с выборной низовой администрацией из числа представителей коренного населения. Создавая туркестанскую администрацию, Россия обещала, что она не будет вмешиваться во внутренние, бытовые, земельные и правовые отношения местных жителей.

Перед Россией стояла задача, с которой ей не раз приходилось сталкиваться за время строительства имперского пространства, — интеграция новой территории. Для достижения этой цели использовалось два основных традиционных приема: увеличение численности русского православного населения и русификация (с последующим обрусением) населения через систему образования. Русификация, как правило, включала в себя православную христианизацию. Для Туркестана было сделано исключение, поскольку было абсолютно очевидно, что ислам в регион пришел «давно и надолго» и бороться с ним без подготовки и с кавалерийского наскока не получится.

«Мусульманский вопрос» стоял в России остро. Его обострению способствовали нескольких факторов как внутренней, так и внешней политики. В Туркестане Россия столкнулась с целым набором крайне невыгодных для себя обстоятельств. Начав с политики игнорирования ислама в Туркестане, которую не следует путать с пусканием ситуации на самотек, царское правительство и местная администрация ничего не смогли противопоставить тенденции к консолидации мусульман в рамках империи. Но не стоит представлять мусульманское население Туркестана как монолитную среду, объединенную в единое целое против русского колониального господства.

В Туркестане и до и после прихода русских происходили постоянные столкновения на национальной почве, в основном по вопросам земле- и водопользования. Одной из причин этого явления было отсутствие исторического опыта государственности, основу которой составляла титульная нация. Тем не менее ислам как связующая основа

конфессионального единства коренного населения являлся, пожалуй, важнейшей, проблемой, с которой столкнулись русские чиновники в Туркестане. Наибольшее его обострение приходится на период с 1898 (Андижанское восстание) по 1916 г. После 1917 г. проблема переходит несколько в иную плоскость и существует уже в рамках иного политического строя и иной государственной идеологии.

При всей первостепенной роли ислама, думается, что дело было не только в религии, но и в своеобразии менталитета коренных народов региона. На практике чужие традиции, обычаи, приоритеты нередко вызывают хотя бы подспудную негативную реакцию. Поэтому в туркестанском обществе существовало где открытое, где латентное недовольство национальной политикой России, а петербургским и местным чиновникам в любом проявлении местной самобытности мерещились угрозы восстаний и государственной измены, облаченные в одежды трех главных «измов»: сепаратизма, пантюркизма и панисламизма.

В русской управленческо-бюрократической среде прочно укоренился тезис о неготовности аборигенного населения к восприятию «норм и начал русской государственности», из которого плавно вытекала мысль об отказе от введения в крае ряда государственных институтов (земства, выборное городское самоуправление, представительство в Государственной думе и др.) и повинностей (в первую очередь всеобщей воинской повинности). Так был сформирован неизменный за 50 лет курс на особые меры и принципы управления краем.

Туркестан действительно был особенным в списке имперских окраин. Это очевидно. Но такое «обособление во всем» не позволяло на практике реализовать главную задачу — интегрировать Туркестан в общеимперское пространство, а значит, осуществить в полном объеме модернизационный проект в том виде, каким он представлялся административно-бюрократической элите России.

До Манифеста 17 октября 1905 г. в России не существовало понятие «гражданин». Было понятие «подданный Российской империи». У подданных есть только «обязанности», а у граждан есть еще и «права». Исполнение воинской повинности — это обязанность, а участие в работе законодательного органа, безусловно, право. Коренное население Туркестана было освобождено от несения воинской повинности, а 3 июня 1907 г. все жители края независимо от национальности были лишены возможности делегировать своих представителей для участия в работе законодательного органа империи — Государственной думы. Таким образом, население Туркестана было «пораженцами» как в правах, так и в обязанностях. Считали мусульмане Туркестана себя российскими подданными и стали ли гражданами? Думается, что нет.

Вполне очевидна парадоксальность ситуации: ограничения не позволяли идти процессу интеграции, а низкая степень интеграции порождала тезис о том, что коренное население Туркестана «не прониклось до конца идеей имперского общежития», а потому его «права» и даже

«обязанности» стоит ограничивать и регулировать способами, отличными, к примеру, от Полтавской, Московской или Курской губерний.

С другой стороны, мы не можем не отметить попыток России сформировать некий набор специфических региональных законодательных, управленческих, социально-экономических приемов, применение которых, по мнению правительства, позволило бы Туркестану со временем адаптироваться к существованию в едином Российском государстве.

Вопреки сложившемуся в советской историографии стереотипу, характеризующему администрацию Туркестана как «послушный инструмент в руках царизма», первые лица края в подавляющем большинстве случаев имели собственный взгляд на «туркестанские дела», что на практике нередко порождало столкновение интересов и конфликтные ситуации.

Царизм активно использовал русский национализм как инструмент для стабилизации положения внутри страны. Такая ситуация была закономерным следствием непродуманной и нескоординированной национальной политики в империи. Нередко власть пыталась найти ответы на вопросы нового времени, прибегая к старым способам решения проблем, но устаревшие механизмы руководства многонациональной империей все чаще давали сбой или работали недостаточно эффективно. В арсенале имелся достаточно стандартный комплект действий или бездействий, порождавший негативное, протестное настроение нерусских народов империи. Сделав в Туркестане ставку в основном на силовое присутствие, центральная власть успокаивала себя тем, что местное население якобы понимает, признает, уважает только постоянную демонстрацию «мускулов». Подобная политика в немалой степени способствовала значительному снижению лояльности политической активной части мусульманского сообщества Туркестана. Тем не менее восстание 1916 г. произошло лишь на 3-й год после начала Первой мировой войны.

Переселение русских крестьян и русифицирование системы образования, на наш взгляд, являлись для правительства ключевыми факторами, позволявшими ему приступить к модернизационному проекту в Туркестане и обеспечить его успешное завершение.

Процесс самовольного переселения русских крестьян¹ в Туркестанский край начался еще в конце XIX в. По правилам, действовавшим с 1886 г., к переселению в Туркестан допускались «исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей»². Кроме того, поскольку край находился в ведении Военного министерства, здесь могли селиться после выхода в отставку чины местной администрации, офицеры и солдаты. Со временем к ним прибавились отставные чины из других окраинных во-

¹ В Туркестан переселялись крестьяне не только из «русских» губерний, но и из Малороссии (Полтавская, Черниговская и др.). Для удобства мы будем называть их всех «русскими крестьянами-переселенцами».

² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 11. Д. 708. Л. 162.

енных округов России¹. Переселение шло волнообразно, что отражало не только установки правительства, но и социально-экономическую ситуацию в Центральной России².

В 1889 г. в сообщении генерала Н. М. Анненкова Русскому Императорскому географическому обществу «Средняя Азия и ее пригодность для водворения в ней русской колонизации» содержались совершенно разумные предложения по составлению точного описания участков, которые могли бы использоваться под переселение; изучению и превращению в жизнь лучших систем ирригации и орошения; открытию сельскохозяйственных школ с образцовыми фермами при них для ознакомления переселенцев с возделыванием местных культур и др³. На практике все происходило несколько иначе.

При проведении переселенческой политики в Туркестане правительство преследовало три основные цели:

– частично решить аграрный вопрос (малоземелье крестьян) в Европейской России;

усилить русскую диаспору как проводника российских интересов в таком стратегически важном и экономически перспективном регионе, как Туркестан;

– обеспечить в дальнейшем хлопковую независимость России⁴.

В 1867 г. Н. А. Маев составил документ — «Записку поручика Маева о мерах к увеличению русского населения в Туркестанской области». В нем сформулирована идея заселения края не только крестьянами из центральных губерний, но в первую очередь запасными нижними чинами. Указывая стратегически выгодную линию заселения, Маев пишет: «Из этих солдатских поселений образуется по реке Сыр-Дарье непрерывный ряд слобод, наподобие казачьих станиц, которые могут принести большую пользу в случае, если в Туркестанской области возникнут какие-либо беспорядки»⁵.

Взгляд на русские поселки как на боевые единицы играл далеко не последнюю роль в переселенческой политике. Безусловно, кроме внутреннего фактора — недоверия к коренному населению, существовал и внешний — приграничное положение Туркестана.

Исходя в т. ч. из военно-полицейских соображений, власть принимала все возможные меры, чтобы организовать как можно больше русских поселков. Их расположение подчинялось определенным стратегическим интересам. В 80-х гг. XIX в. среди чинов русской администрации была очень популярна фраза Сырдарьинского военного губернатора Н. И. Гродекова, что «каждый новый русский поселок в Туркестане

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3162.

² Всплеск 1891–1892 гг. был связан с голодом в Центральной России, поток 1906–1910 гг. с реформами Столыпина, в связи с началом Первой мировой войны процесс переселения пошел на спад.

³ Анненков Н. М. Средняя Азия и ее пригодность для водворения в ней русской колонизации // Изв. И. Р. Г. О. Т. XXV. СПб., 1889. С. 277–293.

⁴ Кривошеин А. В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 г. СПб., 1912. С. 3–4.

⁵ Цит. по: Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926. С. 8.

равносилен батальону русских войск»¹. Этот тезис стал своеобразным лозунгом.

В конце 80-х гг. XIX в. возникла и стала проводиться в жизнь мысль о снабжении переселенцев оружием. Процесс вооружения начался в 1891 г. В 1909–1910 гг. власти изменили курс и начали разоружать крестьян². Летом 1912 г. этот процесс был остановлен, а Первая мировая война заставила власти опять отобрать оружие у переселенцев.

Экономические перемены в Туркестане в основном были связаны с ростом производства хлопка-сырца. Придавая хлопководству первостепенное значение, правительство предприняло энергичные усилия по активному расширению посевов хлопчатника. Результатом этой политики можно считать закладку фундамента для формирования так называемой монокультуры хлопчатника. Завоевав Туркестан из стратегических и политических соображений, Россия, как, впрочем, любая метрополия на ее месте, стремилась к возмещению понесенных экономических затрат. «Туркестанский край не только может, но и должен дать России новые выгоды обладания им, — делал вывод в своей докладной записке начальник Азиатского отдела Главного штаба генерал Ф. Н. Васильев в марте 1906 г., — и сторицей возместить затраты, понесенные на его завоевание и устройство»³.

Существовал ряд объективных факторов, способных воспрепятствовать успешному течению процесса переселения и игнорирование которых могло привести к социальной нестабильности и даже столкновениям между коренным и пришлым населением⁴:

- законодательно оформленное обещание со стороны государства сохранить за местным населением земельные угодья⁵;

- высокая плотность коренного населения⁶ на землях, где земледелие было возможно;

- дефицит земельно-водных ресурсов.

Между коренным населением и переселенцами часто возникали споры по поводу земельных владений. Нередко дело доходило до драк и поножовщины. Конфликты, как правило, разрешались в пользу крестьян.

Особенно острой проблема была в Семиречье. Здесь столкнулись интересы казаков, оседлых и кочевых киргизов (казахов) и русских поселенцев.

Справедливости ради стоит отметить, что наряду с водворением переселенцев производились работы и по землеустройству кочевого (кир-

¹ Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926. С. 5.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1026, 1030, 1033, 1056, 1058, 1059 и др.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3421. Л. 23об.

⁴ Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М., 2001. С. 20.

⁵ Все местные земли объявлялись казенными и передавались в наследственное владение местному оседлому населению. Статья 255 Туркестанского Положения гласила, что «за оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях».

⁶ Особенно в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях.

гизского и казахского) населения, изъявивших желание перейти к оседлому состоянию.

Но землеустройство велось «между прочим», преследуя, прежде всего, цель получить новые земли в колонизационный фонд. Между тем непрерывный ряд земельных изъятий и нерешенный вопрос с землеустройством кочевников, переходящих к оседлости, вселяли коренному населению серьезную тревогу.

В административно-бюрократической среде империи существовало понимание взрывоопасности ситуации. В 1916 г., анализируя обстановку вокруг восстания в Семиречье, генерал А. Н. Куропаткин напишет: «...Киргизы помогли [России] в завоевании Коканда — а мы усердно начали отбирать у них земли»¹.

Один из лидеров национального движения Туркестана Мустафа Чокаев, выступая в 1932 г. в Париже отметил: «Если впереди европейских колонизаторов шли миссионеры и коммерсанты — первые искавшие “просвещения душ”, а вторые — рынка для сбыта продуктов отечественной промышленности, то впереди российских “культуртрегеров” шли русские крестьяне, превращенные русской историей и русским правительством в “охотников до чужой земли”»².

Решить имевшийся комплекс проблем с переселением и землеустройством Россия могла через увеличение площади орошаемых земель, т. е. начав серьезную программу строительства в крае новых оросительных каналов.

Оросительные работы сосредоточились преимущественно в Голодной степи³ и дали там, по оценкам современников, довольно скромные результаты как по размеру орошенных площадей, так и численности русской колонизации и развитию хлопководства⁴.

Что касается промышленно-предпринимательских кругов, особенно связанных с хлопководством, то им вариант колонизации, который отнимал у местного хлопкороба орошаемую землю и отдавал ее не умеющему выращивать хлопок русскому крестьянству, не сулил ничего, кроме убытков.

подавляющее большинство исследователей русской колонизации Туркестана считают, что к 1917 г. можно говорить только о начале процесса колонизации⁵.

¹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998. С. 932.

² Мустафа Чокаев. Революция в Туркестане. Февральская эпоха [публикация С. М. Исхакова] // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 7.

³ Голодная степь — обширная территория, лежащая между густонаселенными оазисами, Ташкентом, Ферганой и Самаркандом. На западе Голодная степь граничит с пустыней Кызылкум, северную и восточную границу омывает река Сырдарья.

⁴ Бартольд В. В. Из истории культурной жизни Туркестана. М., 1927. С. 153.

⁵ Шарова П. Н. Переселенческая политика в Средней Азии // Исторические записки. Т. 8. 1940. С. 31–34; Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 527; Лурье С. Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия. 1997. № 2(8). С. 20–24. Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5(11). С. 117–120. и др.

Переселение в Туркестан было количественно ничтожным. При этом применение откровенного правового насилия в отношении местного населения и повсеместная постановка переселенцев в заведомо привилегированное положение привели в 1916 г. к крайнему обострению межэтнических противоречий.

Правительственная линия на всяческое поддерживание переселенцев и создание для них условий наибольшего благоприятствования (предоставление различных льгот, выдача ссуд, освобождение от несения воинской повинности и уплаты налогов и податей и т. д.), имела свою обратную, негативную сторону. Она зачастую способствовала проявлению у крестьян иждивенческих настроений и чувства вседозволенности относительно коренного населения.

Переселенческая политика привнесла в жизнь края новый этнический, языковой и религиозно-культурный компонент, который не всегда мог безболезненно и гармонично вписаться в уклад жизни коренного населения. Причин для этого было множество: проблемы, связанные с адаптацией в непривычных природно-климатических условиях; проблема интеграции в принципиально иную этнокультурную и языковую среду и др. В итоге часть переселенцев предпочли вернуться обратно на родину. Те же, кто остались, стали ядром быстро формировавшейся русскоязычной диаспоры как в Туркестане, так и на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства, так называемых русских туркестанцев.

Подход к внедрению в крае «русского элемента» со стороны правительства был, во-первых, односторонним, во-вторых, очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане и не принес значительных дивидендов в экономическом плане. За столь короткое время он не мог привести к желаемым результатам. Переселение, планомерно проводившееся всего десятилетие (с момента начала Столыпинской аграрной реформы в 1907 г.), явилось мощнейшим катализатором социального взрыва 1916 г., а переселенцы оказались своеобразными заложниками, безопасность которых государство не смогло обеспечить и на которых сфокусировалась большая часть недовольства коренного населения.

Имперский дискурс в вопросе образования мусульман Туркестана выстраивался на протяжении полувека, но так и не приобрел строгих очертаний и законченной формы, пройдя путь от концепции «игнорирования» до «беспощадной борьбы». Последние 10 лет существования Российской империи администрация Туркестана прожила между этими мнениями, как между Сциллой и Харибдой, все настойчивее задавая себе и чиновникам в Петербурге вопрос: «Так что же делать?» При этом была сформулирована конечная цель этого сложного пути: достижение выхода из «исторического тупика», в котором, по мнению русской бюрократии, пребывало население края.

В последнее десятилетие XIX в. у туркестанской администрации было два основных, как ей представлялось, инструмента борьбы с про-

явлениями мусульманского фанатизма: поддержка тайной агентуры и увеличение числа русско-туземных школ.

Народное образование в Туркестане представляло собой две не пересекающиеся системы: русские учебные заведения (гимназии, учительские семинарии и т. д.) и традиционные для мусульман мактабы и медресе.

В мактабах не было учебных программ, классно-урочной системы, учеба в большинстве случаев основывалась не на осмысленном усвоении, а на механическом заучивании, они не имели устойчивой материальной базы. В высшей школе — медресе — обучение также носило комментаторский характер, и любые новшества осуждались. Можно долго спорить о том, обеспечивала ли такая система грамотность населения (все зависит от того, что спорящие будут понимать под «грамотностью»), но бесспорно одно: и мактабы, и медресе давали знания, соответствующие требованиям мусульманской уммы, ревниво охранявшей традиционность туркестанского общества, воспроизводили, сохраняли и передавали исторический культурный код.

Правительство пыталось сблизить русскую и местную системы образования, создавая гибридную систему — русско-туземные школы, где дети коренных народов обучались на русском языке. При этом учебная программа сохраняла для них изучение Корана и основных догматов ислама. Но, по мнению Н. П. Остроумова, большинство русских чиновников оказались «плохими культуртрегерами»¹, в т. ч. и потому, что чиновники краевой администрации не знали местных языков и за редким исключением не имели специальной востоковедной подготовки.

Знание местных языков не являлось обязательным требованием для замещения административной должности. Редкий управленец в Туркестане мог похвастаться тем, что поступил как туркестанский генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Тот, будучи еще военным губернатором Сырдарьинской области, не желая быть зависимым от переводчиков, выучил местные языки требовал и того же от своих подчиненных.

Все ходатайства местных начальников перед министром народного просвещения о разрешении ввести в городских училищах края преподавание местных языков, хотя бы для желающих, и о выделении для этого казенных средств не нашли должного понимания². Министерство отвечало отказом, ссылаясь на утвержденную в 1893 г. учебную программу, где такой предмет отсутствовал. Денег у министерства тоже не было, но и краевой бюджет не имел соответствующих статей расхода³. Очень бережливыми и экономными были чиновники в Российской империи.

«Трудности перевода» в лучшем случае порождали недоразумения, а в худшем сознательно использовались низовой администрацией (она

¹ Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.): сборник материалов / сост. и авт. вступ. ст., предисл. и комм. Д. Ю. Аранов. М., 2006. С. 159.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 177. Д. 278. Л. 17–18об.

³ Там же. 16–16об.

состояла из лиц коренных национальностей) для наживы путем создания всевозможных коррупционных схем.

Выпускники русско-туземных школ, работая в т. ч. в аппарате управления, должны были помочь разрешить эту проблему, выступая своеобразными посредниками между нерусским населением и русской властью.

В начале XX в. в России начался процесс реформирования традиционной мусульманской школы. Шел он «снизу», вернее, «изнутри».

Ведущим мусульманским движением в этой сфере был джадидизм. Стали создаваться джадидские «новометодные» школы (основанные на звуковом методе обучения), в учебную программу которых, при сохранении традиционных для мусульманской конфессиональной школы дисциплин, включались русский язык, естественнонаучные дисциплины и т. д. Как ни странно, но джадиды, как и туркестанская администрация, выход из «исторического тупика» для населения края видели в просвещении, но с поправкой — сохранение ислама как обязательной и неперменной части учебного процесса, что не оставляло шансов на совместный труд на ниве народного просвещения.

Важно подчеркнуть, что организаторами и преподавателями первых новометодных школ в Туркестане были почти исключительно поволжские татары, а движение за новую мусульманскую школу в среде коренного населения Туркестана не имело заметного успеха вплоть до 1905 г.

Помимо классического противостояния «традиция — модернизм», т. е. в данном случае — «кадимисты — джадиды», существовала конкурентная борьба внутри джадидской среды. Это, на наш взгляд, ослабляло движение по пути просвещения народа для вывода его из состояния «вековой спячки».

Администрация Туркестана оказалась перед выбором: на кого сделать ставку и кого признать союзником — традиционалистов-старометодников или новаторов-джадидов? Выбор был сделан в пользу первых. Они были понятнее, и с ними легче было договориться. У джадидов же был свой проект модернизации Туркестана, поэтому власть почувствовала в них угрозу собственному проекту.

Открытым оставался вопрос о контроле государства за мусульманскими учебными заведениями, в первую очередь новометодными. Не дожидавшись законодательного решения вопроса в Петербурге, краевая администрация ввела «неофициальный» контроль, выразившийся в инспекторских проверках, тем самым постепенно подготавливая население к неусыпному контролю со стороны государства и в этой сфере туркестанской жизни.

Насколько вводимая мера могла быть эффективна, и от кого это зависело? Ответ прост — от личной компетентности и профессионализма лиц, инспектирующих школы. А, как отмечалось выше, туркестанская администрация испытывала сильнейший дефицит чиновников, знавших местные языки или имевших востоковедную подготовку. Таким

образом, при отсутствии подготовленных кадров или их недостаточной численности возможность качественного и профессионального контроля изначально была под большим вопросом.

Реализация русского имперского модернизационного проекта в Туркестане, чаще именуемого в историографии «политикой ассимиляции и русификации», дала ограниченные результаты, практически не нарушив политическую традицию (произвольное деспотическое управление, отсутствие современных наций, регионально-клановые конфликты, особенности распределения собственности, национальные религии и верования) коренных народов. Край продолжал оставаться обособленной частью империи во всех смыслах.

К моменту падения монархии в России Туркестан был далек от окончательной интеграции в общеимперское здание России, хотя некоторые отечественные историки утверждают обратное, а значит, и имперский модернизационный проект оставался незавершенным. Но он будет продолжен в следующую эпоху — советскую, выйдя на новый виток развития, обретая новые формы и очертания

Литература

Анненков Н. М. Средняя Азия и ее пригодность для водворения в ней русской колонизации // Известия И. Р. Г. О. Т. XXV. СПб. 1889. С. 277–293.

Бартольд В. В. Из истории культурной жизни Туркестана. М. 1927. 217 с.

Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М. 2001. 287 с.

Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент. 1926. 32 с.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб. 1998. 1112 с.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.): сборник материалов / сост. и авт. вступ. ст., предисл. и комм.. *Д. Ю. Арапов.* — М. 2006. с. 322.

Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5(11). С. 117–120.

Кривошеин А. В. Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием в Туркестанском крае в 1912 г. СПб. 1912. 64 с.

Лурье С. Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия. 1997. № 2(8). С. 20–24.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М. 1996. 602 с.

Мустафа Чокаев. Революция в Туркестане. Февральская эпоха [публикация С. М. Исхакова] // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 7–26.

Шарова П. Н. Переселенческая политика в Средней Азии // Исторические записки. Т. 8. 1940. С. 31–34.

TURKESTAN IN A DISCOURSE OF FRONTIER MODERNIZATION OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Tatyana V. KOTYUKOVA

Cand. Sci. (Hist.), researcher,
Institute of General History, Russian
Academy of Sciences (32a, Leninsky av.,
Moscow, 119334, Russian Federation).
E-mail: kotyukovat@mail.ru

Abstract. At the end of 19th – the beginning of the 20th century Russian Empire started the implementation of the last modernization project on integration of national remote areas into all-imperial system of coordinates. It was related to Turkestan. Under historical destiny, the project wasn't finished within the Russian Empire. It was continued in the next era – the Soviet one, having reached a new turn of development and getting new shape and outlines.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, discourse, modernization, re-settlement policy, education system.

